

216
M-220218

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

ZONE 18
NEW YORK, N.Y.

New York
Public Library
410 Ave. C
New York 18, N.Y.

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO 243 West 56th Street New York 19, N. Y. Tel. COLUMBUS 5-5500

ШВЕРНИК ОСТАВИЛ ПОСТ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРОФИНТЕРНА

Москва, 17 марта. — Шверник сложил с себя полномочия председателя Профинтерна, должность которого он занимал после оставления поста председателя президиума Верховного Совета СССР. На XX съезде он был избран кандидатом в члены президиума ЦК партии СССР и председателем партийного контрольного комитета.

НОРВЕЖСКИЕ СОЦИАЛИСТЫ ПРОТИВ БЛОКА С КОММУНИСТАМИ

Осло, 17 марта. — Норвежские коммунисты повели кампанию за проведение плана Хрущева о тесном союзе компартии и социалистов. Глава правительства Герхардсен, лидер норвежской рабочей партии, побывавший недавно в Москве, заявил, что для такого союза нет никаких оснований.

О литературном пути Достоевского

Р. Плетнев.

Один философ сказал: «Великие люди — это праздники в календаре истории. Праздники рождения и цветения Духа в человечестве. На «День Русской культуры» мы и приглашаем своих гениев общечеловеческого масштаба посетить, укрепить, утешить нас. Ибо хотя и Господня Земля вся и небесный шатер престол Его, но «нельзя же унести почву своей родины на подошвах своих сапог». Только лучшие проявления Духа Родины постоянно с нами, и со всеми чужими сердцами.

Сегодня мы на чествование христианского духа нашей культуры пригласили Федора Михайловича Достоевского. Не раз уже входили тени писателей и гениев на наше празднество, а мы, мы радовались и рукоплескали им и в веселии воспедали. Но если бы сейчас тихо вошла тень Федора Достоевского, мы не могли бы рукоплескать, а должны были бы лишь молча встать и поклониться этой вечней тени, этому воплощению русской и человеческой совести. Ибо что можем мы сказать ему, владычешему сердцеведу, глубочайшему пророку и духовному среди писателей всех времен, стран и народов?

Литературный путь, как и всякий путь, можно рассматривать с точки зрения путешественника-путника, и с высоты времени, с той горы, что открывает даль, с которой видно и начало и конец пути и то новое продолжение его, которое открывается бессмертному духу гения. Достоевский христианский писатель, его занимала вся жизнь мысль о душе и сердце и сердце человека, и цель и оправдание нашего существования на земле. Нет писателя глубже и умнее, более чуткого и муарочного из нас, ни у Запада. Будучи лишь писателем, он повлиял и мощно влиял на всю жизнь культурного мира. Приведу несколько примеров. В Италии ученые криминалисты — психологи ввели ряд новшеств в следственный процесс, руководясь романом «Преступление и Наказание». Основовложники новейшей психиатрии — врачи и психологи, философы такие, как Фрейд и Адлер, враждя меж собой, признают своим великим учителем одного — именно Достоевского. Переворот в протестантской теологии, совершенный Бартом, основывается в значительной степени на творческих прозрениях Достоевского.

Критики, философы, историки литературы, писатели, преклоняясь перед ним, уясил у него, анализируя пишут романы под его мощным влиянием. Поль Бурже, А. Жид и Б. Келлерман, С. Цвейг или Турнйвен разрабатывали темы Достоевского, а не очень любивший русских философов — президент Масарик признал что величайший роман из всех «Братья Карамазовы» и что в Европе нет подобного. Его же, Достоевского, дважды поднимало м. б. и замечательное исследование Т. Масарика — о смысле и причинах самоубийства.

В жизни многих крупнейших

ученых и мыслителей, когда они знакомились с трудами Достоевского, наступал передом, открывался новый мир и новые горюющие мысли. Крупные философы наших дней писали книги о Достоевском, учились у него его «системе Свободы» и иерархии ценностей добра. Некоторые даже и соблазнились увлекаемые или гордыней или страхом перед глубиной духовной бездны, с коей свил покровы Достоевский. Одна скандинавская писательница в 20-х годах перешла из протестантизма в католичество. На вопрос, почему, — ответила, что Достоевский раскрыл для нее и всю истину православия и всю его безмерную духовную свободу. «Я боюсь за себя, я не могу остаться в протестантизме. Ищу — помощи Церкви святых». Это парадокс, но вместе с тем и факт.

Когда путешествуем, а потому говорим о дороге, мы вспоминаем города, живописные селенья, по пути. Литературный путь украшают произведения духа, обратимся к ним, прислушаемся к голосу автора.

В сороковых годах прошлого века Достоевский учился в военно-инженерном училище. Тогда же он написал «Бедные люди». Рукопись получил редактор-издатель «Современника» Некрасов. Он был потрясен и помахал к Белинскому — «Новый Гоголь выискался!». Сперва Белинский не поверил: «Что-ж у вас Гоголи, как грибы растут?». А начал читать, увлекся сам и ночью, глубоко ночью, они потом помахались к Достоевскому. «Что-ж? Разумный его — это выше сна!». «Да вы сами понимаете ли, — завопил Белинский, — что вы написали?!».

«Бедные люди» — повесть о бедном, ничем чиновнике Дешушкине, трогательно и бескорыстно заботящемся о бедной девушке-Вареньке Добролюбовой. Он не столько влюблен в нее может быть, сколько любит — жалеет. Пишет ей письма, делает подарки, старается ободрить и защитить. Средства нет, и девушка против воли выходит замуж. В то время (вспомните «Шинель Гоголя») были в моде повести о бедных чиновниках и бедняках вообще.

Повесть Достоевского имела еще и выделяющие ее особенности стиля языка. Это ряд писем Дешушкина и странички дневника-записок Вареньки. Два голоса, — печальных и нежных. Трогательность писем Дешушкина увеличивает его кажущееся неуемное выражение, его сентиментализм одет, порой, в канцелярские выражения. Бедность, бедность, слабость, нищета, мизерность, мизерность, мизерность, мизерность быта в большом городе, среди превосходительств и пустоты духа в департаментах бюрократов.

Некоторые сцены, (напр когда он перед начальством доводит и не может подобрать оторванную с отрешен мундира пуговицу), его унижение произвело сердце читателя острой, жгущей болью. Бессиле всей его жертвенности помочь Вареньке трогательно и часто трагично. Это заметил современник. Но Достоевский выразил в первой своей повести и нечто гораздо большее. «Бедные люди» — зашифрованный ответ Гоголю, его «Шинели» с Акимом Акимовичем — человеком букварю. По остроумному выражению Бэма Достоевский — «гениальный читатель». Он часто вбирал из произведений других писателей не их стиль и манеру, не их сюжеты и фабулу, а основную идею и толковал ее по своему. Возмущился он и воскорбел духом, что так униженна душа и сердце бедного чиновника, что его делом жизни и мечтой могла стать теплая новая шинель. Да не будет так! А душа-то чиновника та же, что и у всех? Ну, попрочесть умом, некасиет видном, пусть и на грани нищеты, а человек он со всеми тонкостями чувств, со всей глубиной трагедии страдания на земле. И вот, вместо шинели «на теплую ватную подкладку», вместо Акимовича Акимовича, — Дешушкина и его дело жизни: Варенька, ее счастье и ее судьба. Все кончается трагически, и

его Вареньку «крадет» рок в лице г. Бывова, как стащили сальные жулики шинель с бессыльного Акимовича.

С Достоевским в литературу вошло нечто совершенно новое и этого долго не могли понять. И еще упорнее и легкомысленнее, и еще дальше не понимали гениальной манеры писателя говорить и рисовать и внешний, и внутренний мир. С кондачка судили, с плеча рубили: нет описаний природы, «все у него болезненно», все ненормально; плохой стиль; небрежный художник; великий психолог, но где же главу Достоевского? «Признанности» искали в творчестве титана. Они забывали, что как для Шекспира пришлось переделывать свои эстетические понятия и те Шекспира, а свою теорию приспособить к пониманию героя трагедии — так было и с Достоевским. И надо было долго звучать новым голосам в критике истории литературы; надо было, чтоб Мережковский, Вячеслав Иванов, Брандес, Воланский, Флоренский, Гроссман, Лосский и др. открыли главному мысли, наследовали библиотеку Достоевского и черновики его романов, и бесчисленные корректуры, и новосты мыслей и тонкости письма и картины, как бы освещенные пронзительным светом Рембрандта, где выхвачены из тьмы лица, детали обстановки горят в солнечном свете или окрашены загаром огня, что повлияло и часть только почувствовали то новое, то свое, особое, что дал гений Достоевского.

Но вернемся к юным дням, к творчеству молодости. Перечитайте странички описаний озера и реки в «Бедных людях», вчитайтесь в «Белые ночи» и вы поймете, как нежно и совершенно, красиво и рошно могу описывать и говорить Достоевский. Его творчество с одной стороны занимало бедного человека, жалким, часто угнетенным, порою пропащим, — и звало к человеколюбию, симпатии и смирению, пожелать, понять и простить, помочь и утешить. Это «Слабое сердце», «Белые ночи», «Бедные люди», «Честный вор»; а позднее ненаматанная до конца повесть «Пьяные», что дала образ Мармеладова для «Преступления» и наказания...

Их тени мелькают и в «Мертвом доме» и в «Селе Степанчиковом» (Настенька и ее отец), и в «Униженных и оскорбленных», и в «Идиоте», даже и в «Братьях Карамазовых». Это не хищный, а по сути кроткий тип, тот Ваня-Достоевский, что в «Униженных и оскорбленных» переосмыслил частично и свой личный роман с Марией Дмитриевной Исаевой. Часто это грешники, обычно люди слабые; но они кроткие и страждущие и, по Евангелию и по Достоевскому, показавшись они «наследят землю». Ведь и в тюрьме, и в острого беждах духовно и остро кроткие, не трусливые, не гневные, не гордые, не сильные и мудрые, — а кроткие. Вспомните Алея из «Мертвого дома» и как с ним Горничков читает Евангелие в кромешной обстановке каторги Сибири! И силу особой личной кротости постигал писатель и в долгие месяцы одного ночного заключения в крепости 1848 г., и на каторжных работах, и в штрафных батальонах Сибири, солдаты.

Но нас зовут к себе другие темы литературного пути. Пять вечных городов на нашем пути. Пять украшенных многими башнями, дивными храмами. Крепкие стены окружают их. Не осмотреть всех сокровищ ризниц, не поглядеть на чудесную мозаику образов, на блеск лампад перед иконами, не прогуляться по многоплодным садом, не посмотреть на страшных диковинных зверей в клетках Гнева и Гордыни. Не являющийся над безднами провалов Зла, где в серном кураге горят острые языки-языны, огневные адского пламени. Мы только на миг взглянем на общий абриску line этих метрополий духа, Пять их, и как-то, по своему, притягательна и сверх-временна: «Преступление и Наказание», «Идиот», «Бесы», «Подрасток», «Братья Карамазовы».

«Преступление и Наказание» необыкновенно, сжатый роман, где действие развивается и бы-

стро, и напряженно — увлекательно. Эту сторону заметил и не очень чуткий французский переводчик романа лет 80 назад и выпустил свой сокращенный перевод, как детективный роман — убийца и следователь. Сразу по написании романа в русской социаль; ой жизни случилось убийство чрезвычайно схожее по мотиву и герою: студент убил старуху — процентщицу. Достоевский отметил в одном письме это свое пророчество. Основную замысел романа: раскрыть самую душу «благородного» убийства — обогащение за счет злой личности, чтоб потом делать добро. Показать, что такое преступление манурии, что такое закон Божий, закон человеческой совести и закон юридического кодекса. Нет сверхчеловеков — все люди пред Совестью и Богом; как, раз решились перешагнуть через кровь, преступить черту, одно убийство влечет за собой и другое. Что нет права у человека на убийство ради гордой самости.

И тут перед нами развертывается кошмар совести. Люди, друзья, родные — становятся чужими. Одинок преступник — чья его любовь, а он не может ответить, как раньше отвечал, на любовь матери, сестры, друга. Этимология слова «наказание» — казнь в связи с словом — цена — расплата. Преступник наказуется и собой и законом. И спасает Раскольников смиренная мулатка христианки, — блудница поневоле, — Соня. Сцены их разговоров, двух отверженных, чтение Евангелия при свечке в комнате портного Капернаумова, глубоко символически и потрясающе правдивы.

Страдание, вера и смирение перед лицом Господа спасают Раскольников в Сибири. Последняя сцена, — беспредельная степь, дымки юрт коневиков, тишина великой равнины, вливается в его сердце и смыкает нахлыль горячи и слезы. Раскольников постигает силу христианства через Сою, давшую ему Евангелие, книгу вечности, страдания и Любви Христовой. И Раскольников чудится, что над степью не пролетает «века Авраама и стада его», потому сердце человека осталось то же, что и было.

А сколько в этом романе трагедии, сколько в нем глубоких мыслей, поразительно описанных сцен! Как встает перед глазами улицы и переулки Петербурга, по которым гонят, как зверя голая, совесть преступника. Сколь изумителен следователь — психолог, сыщик-умница, Порфирий Петрович! Как реален отец Сонин — пылушка Мармеладов, грешник, на томившийся в своем духовном унижении, жаждущий иметь хоть кого-то, к кому «можно придти», как к человеку, сообразу и исповедаться. А подубеждающая чухоточная Екатерина Ивановна с ее Полечкой, эта «куриная нога в кринолине» — по злобному замечанию вздорной бабы, — сколько муки и боли человеческой запечатлел Достоевский в образе жены Мармеладова!

Ницшеанский вопрос о праве героя переступить закон и доказать, что он не «тварь дрожащая, а права имеет», — впервые поднят именно Достоевским и именно в этом романе. И им же решен безспорно: есть Высший Судья, а Он сказал — не убий! С это го романа Священное Писание и его глубины, вопросы о смысле страдания, о его очищающей силе, о Христе, — иходят, как доминантная нота, в хор голосов романов Достоевского, романов-трагедий и мистерий духа. Зло и Добро, Правда и Ложь борются перед нами и при всей силе изображения зла в человеке мы видим две гениальные идеи все углубленнее развиваются и растут: Зло — паразит Добра как Ложь—Правды. И судья героя Зла, или пока он служит Злу, есть его мера духовная. Жизнь и божественное начало опровергают все хитросплетения разума, всю изобретательность Зла — крушение следует за Злом, падеение за дьявольщиной.

Это судьба и всех диктаторов, возмывших себя человекобогами, и она преддана Достоевским. В романе «Преступление и Наказание» впервые герою сознательно кается и земле, целует ее и плачет покаянными слезами. Эта мысль о связи земли и Божественной сущности пройдет потом через ряд романов Досто-

евова, отзовется на его политико-философских построениях «Почвенничество» и вызовет знаменитую фразу в «Дневнике Писателя»: «В земле, в почве есть нечто сакральное». Это и философская и глубоко-христианская идея — действия греха, как и Любви, на всю природу.

В романе «Идиот» слились в монолитную целостность многие влияния, и мудрые и богоудохновенные книги. Скажу кратко: Дон Кихот, Коран, Пушкинский «Рыцарь Бедных», Островский, Отцы Церкви и Новый Завет. В слезах и переживаниях Льва Мышкина много от самого автора, Герой-эпилептик и его пророчества совпадают по форме с интимными тайнами духовида — Достоевского.

К моменту написания этого романа писатель захватил идею «создать свой положительный тип, не тип дельца, не тип хорошего человека, а тип — образец духовный, нечто прекрасное. Здоровые, добрые, хо-

рошие люди легко давались перу этого гения, так же, как и большие, и злые, и разращенные. Из добрых и хороших наполю Разумихин — друга Раскольников, или полковника Ростанова в «Селе Степанчиковом». Тип мирового значения, тип, воплощающий людскую мечту о Прекрасном. Добре искал воплощения в творчестве Достоевского. Задача трудности безмерной. И он хорошо знал эти трудности! В знаменитом письме к другу-поэту А. Н. Миккову из Швейцарии писатель говорит, что в мировой литературе удачными были лишь три попытки: Дон Кихот, Пиквик Дикенса и Жан Вальжан Виктора Гюго. Первые два «берут тем», что смешны, что трогает сердце наше осмеяние их духовной красоты, их добра. Третий — поощре, тут приключает незаключенность страдания Жан Вальжаном, его благородство, гонимое обществом и его законами.

Окончание на 8 стр.

ХРОНИКА

РУКОПОЛОЖЕНИЕ В СВЯЩЕННЫЙ САН

Псаломщик Воскресенского собора г. Вишес-Барре, Пензенской области, Сергей Скрыпник — Кухарский был рукоположен митрополитом Леонтием в С. Покровском кафедральном соборе в сан диакона. 4 марта епископ Иоанн Дроздовский рукоположил о. Скрыпник — Кухарского в сан священника.

О. Скрыпник — Кухарский назначен на должность второго священника в Са. Троицкой церкви в г. Нью Британ, Конн.

ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ БЕЛОРУССИИ

25 марта белорусы во всем мире отмечают 31 годовщину дня провозглашения Белорусской Народной Республики в г. Мясиске. По этому случаю в Нью Йорке, в отеле Билтмор, в воскресенье 25 марта, в 2.30 дня, состоится торжественное заседание, в котором выступит инж. Николай Абрамчик, президент Белорусской Республики в изгнании и ряд других ораторов.

В 10 часов утра в церкви 345 Ист 4 ул. будет отслужен молебен архиепископом Василием и архиепископом Богданом.

В 5.30 дня, по окончании собрания в отеле Билтмор состоится праздничный обед, устраиваемый «Белорусско-Американской Ассоциацией».

ГЕН. З. ПЕШКОВ В ВАШИНГТОНЕ

В Вашингтон приехал из Франции генерал французской армии, бывший посол Франции Зиновий Пешков.

З. Пешков был принят послом Франции Морисом Кув де Мюрвилем и министром Франции Пьером Миалом.

З. Пешков — русского происхождения, приемный сын Максима Горького. Он сделал блестящую карьеру в Иностранном Легионе, а затем перешел на дипломатическую службу и возглавлял французскую дипломатическую миссию в Японии. Французское правительство наградило его большим крестом Почетного Легиона.

ОТКРЫТИЕ НОВОГО ПРИХОДА.

Старинным прот. о. Карпа Латаева, открыт приход в г. Ромфорда, Илл. Временн; богослужения совершаются в местной американской церкви. На пожертвования прихожан приобретен участок земли, на котором в ближайшем будущем будет построен собственный храм. Настоятеля этого прихода составляет о. Карп Латтев.

Т. А. ШАУФУС В ТЕГЕРАНЕ.

Европейская представительница Толстовского Фонда Т. А. Шауфус прилетела две недели в Тегеран, где она занимается обследованием положения русских беженцев на Ближнем Востоке.

ДОКЛАД — СОБЕСЕДОВАНИЕ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Сегодня, в 3 ч. дня, в Русском Литературном Кружке, в Клуб Хауза, 150 Вест 85 ул., состоится доклад и собеседование на общую тему: «Судьбы русского языка в СССР и в зарубежье». Докладчик — автор книги о русском языке в Советской России, А. и Т. Фесенко.

В собеседовании участвуют: Е. Обухова, Ал-р Биск, П. Ершов, В. Запаланин, Н. Перушини и др. Начало в 3 ч. дня.

В ЕПАРХИАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Архиепископ Виталий преподает архипастырское благословение на усердные и беззаветные труды в Епархиальной Школе в Нью Йорке адептующему школой иеромонаху Антонию, законоучителю-протоиерею П. Мочирскому и преподавателям и администраторам Н. К. Булатниковой, А. Г. Думбидзе, П. Д. Ильинскому, Т. П. Казимировой, А. Т. Лыдиной, А. А. Милодиной, К. Пыликов и А. Н. Сюндяи.

10 марта школу посетил епископ Никон Флоридский и ознакомился с успехами учащихся.

ФОНД СРОЧНОЙ ПОМОЩИ

В Фонд Срочной Помощи посту-

пили следующие пожертвования: Для б. солонечского уезда Николая Крочкова: А. Черобровкина 1 дол., А. Н. 2 дол., В. и В. Алексеевы 1 дол., Н. Васильев 3 дол.

Для больног Ю. Овчинникова от Виктора Илизменца 5 дол.

ОТЪЕЗД В ЕВРОПУ

Казначей Одесского Землечства Г. М. Тарнолов вчера вылетел по делам в Париж.

РАДИО ВЫСТУПЛЕНИЕ АРИАДНЫ ЦЮБА

8 марта в СССР праздновалась «День Женщины». По этому случаю Радио Освобождение в Мюнхене передало интервью с одной из «счастливых советских женщин» Ариадной Цюба, которая провела 6 лет в советских концлагерях и только недавно вырвалась из СССР.

Ариадна Цюба по профессии инженер и писательница, рассказывала слушателям, как живут советские женщины, заключенные в лагерях и как зимой и летом, любую погоду, отдают на работу за 6 миль от лагеря, рубить дрова. Рассказывала она и о том как «переконать» в сов. лагерях монахов, которых выставляли подлобными на съезде инж. комаров, которыми живут в долине сибирская тайга, как их держат часами на солнце, без воды и т. д.

Ариадна Цюба выехала из СССР в октябре прошлого года. Освободил ее на том основании, что она жила в Германии с 1927 г. до второй мировой войны.

СКОРЕННЫЙ ЛИСТОК

Во Франции скончался журналист Измаил Александрович Черноус; горный инженер Борис Александрович Гурский.

РОЗЫСКИ

Толстовским Фондом, 300 Вест 58 ул., разыскиваются следующие лица:

Пикуде Григорий Васильевич из Витской губ., Титаренко Герасим и его дочь Прасковья; Пимон Петр Иванович из Новочеркаска; Степанова Ольга Викторовна с сыном Владимиром и дочерью Валентиной. В 45 г. были в лагере Штеттин.

Для получения точных сведений надлежит обращаться непосредственно в Толст. Ф.

N. PICKENS
31 East 14 Street,
Union Sq. & 5th Ave.,
Tel. OR. 5-6860-6861

САМЫЕ КРУПНЫЕ И ПОПУЛЯРНЫЕ В РУССКОЙ КОЛОНИИ МАГАЗИН ЮВЕЛИРНЫХ ИЗДЕЛИЙ РАДИОАППАРАТОВ И ТЕЛЕВИЗОРОВ

Изображенная здесь модель «САЛЕРНО» это приемник «скопер - хай фиделити» с тремя специальными акустическими громкоговорителями и 9 лампами, обладающими силой 12-ти.

Требуется наш каталог с описанием всех моделей радиоаппаратов В L A U P U N K T Super - High Fidelity

Коротковолновые радиоприемники AM и FM «Кай Фиделити» и радиотрансляционные (ведущие 1956 года) известного производителя ИЗВЕСТНОЙ ФИРМЫ

ГРУНДИГ

Эти лучше по качеству на мировом рынке радиоприемники отличаются исключительной красотой конструкции и непревзойденной чистотой звуковой передачи. Радио «Грундиг» принимает все европ. станции и Москву. Предлагаем вниманию наших покупателей разные модели Грундиг дешевле, чем они продаются в друг. магазинах. Огромный выбор русских, украинских, польских и долгоиграющих пластинок. Золотые православные кресты разных размеров по самым низким ценам. **СТОЛОВЫЕ ПРИБОРЫ ФИРМЫ ЗОЛНИГЕНА** Требуется наши бесплатные каталоги

РУССКИЯ МУЗЫКАЛЬНЫЙ МАГАЗИН K I S M E T RECORD CO.

227 East 14th Street, New York, N. Y. Tel. GR. 7 — 2891

ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО

Вчера. Сегодня. Завтра

О книге М. Е. Вейнбаума «На разные темы»

Книга М. Е. Вейнбаума, только что появившаяся, заняла, и займет в будущем, свое особое место в истории русской печати вообще, и зарубежной в частности.

Публицистическая деятельность М. Е. Вейнбаума насчитывает тридцатипятилетнюю давность. На протяжении долгих лет М. Е. Вейнбаум регулярно отзывается на так называемые «забытые дни», отмечая, регистрируя и комментируя все, что происходит во внешнем мире, главным образом в сфере политики американской и международной. В проблеме, касающейся России, ее трагедии, чужды и надежды Т. Вейнбаума ясно и точно выявляет свою позицию крайнего отдаленности от тоталитарной государственности, ясно и четко выдвигает идеи демократизма. Эту свою позицию автор книги «На разные темы» сумел покрепче не только неперерывной, в течение более четверти века деятельности литератора — публициста, но и редактора газеты «Новое Русское Слово», в нынешних условиях оставшейся единственным влиятельным зарубежным органом ежедневной русской печати.

В предисловии к своей книге автор говорит о трех тысячах статей, написанных им за отечественный период. О чем только не приходилось ему думать, каких только вопросов он не касался, каких усилий не прилагал, чтобы облегчить русскому читателю ориентировку в сложных вопросах американской политики, быта, и реальных сторон местной жизни. И казалось, что книга его должна, как будто, подвести итоги всей прошлой литературной и общественной работы даровитого и деятельного журналиста, что суммирование этих итогов даст картину прошлого, его наиболее острые моменты, и реакцию на эти события автора-публициста.

И если мы полагаем, что «особое место» должна занять книга М. Е. Вейнбаума в истории зарубежной русской литературы, то именно потому, что это нечто «забытое», нечто того, что стало бы откликом на сегодняшние события или предсказанием завтрашней политической погоды, в книге нет. А произошло это не случайно, не в силу особенного плана автора, а потому, что в самом характере творчества публициста — редактора отсутствует это стремление во что бы то ни стало привлечь и фиксировать внимание читателя на самом эффектно, сенсационно, на самом злободневном из того, что ему, читателю, подвигает автор.

Читая книгу М. Вейнбаума, из которой некоторые статьи могут быть полезны читателю, а другие совершенно забыты, получаешь ясное и точное представление о характере и свойствах этого даровитого журналиста, о той черте его характера, которая не может не отражаться в его произведениях, как отражается живое лицо в зеркале. М. Е. Вейнбаум органически не переносит того, в чем принято видеть основу американской газеты, что по русски носит название «сенсация».

Чем значительнее событие, происходящее перед нашими глазами, чем сложнее проблема, возникающая перед читателем, и требующая наиболее взвешанного и объективного ответа, тем осторожнее подходит к теме автор книги «На разные темы». Только тщательно взвешав, многосторонне обдумав, отринув все случайное, все сенсационно — эффектное, не поддающееся суровой оценке логики, и найдя фактически безупречное, Вейнбаум берется за перо, и никогда, за все прошлые годы не было в его писанине ни спонтанной самоуверенности, ни безапелляционного суждения о том, что нуждается в осторожной оценке, а

глубоком анализе фактов и суждений. Эта осторожность выводит несколько не находясь в связи с тем, что именуется «направлением» в политике, с идеалами, которые определяют общественную и политическую физиономию автора-публициста. В этой сфере для Вейнбаума никогда не было нужды в размышлении, особенно в длительном и изнурительном своем политическом и публицистическом отношении к тому, что является первейшей задачей русского публициста за рубежом.

Не придавая особого значения разветвлениям эмигрантской политической мысли, создавшим вечные кипиши и кипиши, и партийных группировок М. Е. Вейнбаум твердо и ясно установил свою позицию решительного и неумолимого борца за право человека, за тот идеал личной свободы, который утвердился всем строем американской жизни, и которому Вейнбаум придает главное значение, отдавая предпочтение строю Соединенных Штатов перед всеми другими, не говоря даже о системах тоталитарных. Не вмешиваясь лично в склоку, раздирающую русскую эмиграцию М. Вейнбаум не придает значения частностям, ставя в основу своего журналистского кредо освобождение России, избавление ее, а с ней и всего мира, от тяжкого ярма большевизма.

Вот почему он одинаково сторовится, как скороспелых выводов, так и гаданий на кофейной гуще, и излучно, серьезно, а главное с полной объективностью изображает не только движущие факты, но и идеи, эти факты рождающих.

И вот эта особенность Вейнбаума — публициста получала полное отражение в его книге. Это не вызов читателю, не «открытие Америки» в области быта и политики, а спокойное и объективное повествование.

— О чем? спросит читатель. О том, что в течение тридцати лет видел, наблюдал и слышал автор, над чем он задумывался, и что рождал для читателя с той же верой в правоту своего мнения, как и для самого себя. В этом первое качество книги «На разные темы».

Пробегав страницы книги невольно представляешь себе не только сегодняшнего ее читателя, но и будущего, ибо книга эта не может не иметь будущего. Тридцать лет жизни русской эмиграции являются эрой, без изучения которой будущая история России XX века будет неполной. Как посылочная Франция да ла миру ряд деятелей во всех областях науки, политики и искусства, так и русская эмиграция внесла свои подающиеся учету — ценности в родную культуру, и права на заслуги перед этой культурой остаются все же за родной. Не может быть истории русской науки без имен Игоря Сикорского, Звонкина, Ильяева, без Бунина, Бальмонта, Адамова и других в литературе, без Ренкина, Александра Бенуа, Сомова, Добужинского в живописи, без Диглева, Фонова, Павловой в балете, без Милкокова, без Шалыгина, и т. д.

Русская культура за границей не только привнесла сюда своих огорченных сынов, и сохранила их имена для будущих поколений в России. Историк найдут еще и других людей, другие силы, которые поддерживали дух независимости, свободы, и чужий будущего, в душах не только зарубежной России, но которые просачивались невидимыми флюидами через железный занавес. Недаром так старается сейчас московские «патриоты» превратить эмиграцию в законопослушное стадо. И отражение жизни русской эмиграции, сообразное в книгу, является не только долгом перед историей, но и прямой, даже основной задачей. Очень жаль, что эту

задачу не выполняло прежде всего издательство, промелькнувшее на наших глазах метеором, и предпринявшее русско-американские мемуары английские.

Книга Вейнбаума для будущего читателя окажется живой картиной не только жизни и работы русской эмиграции за тридцатипятилетний период, но и описанием жизненности этой эмиграции, ее ориентации в чужой стране, ее антибольшевистской активности, ее способности приспособиться к условиям американской жизни в стране, ставшей ее второй родиной.

В более суженном американском масштабе это наше культурное «вчера» М. Вейнбаум отразил в отделе книги «Портреты и характеристики». Будущему исследователю нашей эпохи эта часть книги даст ценный и разнообразный материал. Он увидит в ней не только людей, заслуживающих признания и всем известным Автор «разных тем» рисует в этом отделе и русских и американцев, понимая, что жизнь в Америке, было бы преступлением отгораживаться от страны, ставшей нам вторым и последним прибежищем в жизни. Так, во весь рост, написан автором портрет Калвина Кулиджа, этого тридцатого по счету президента Соед. Штатов... Яркое в своей краткости и силе журналистское — конвоем Вилла Роджерса. Мало кто из нынешней эмиграции помнит имя Тараса Балабанова, да это и не важно. Автор вовсе не придает его облику какого-либо особого значения. Фигура эта постольку замечательна, поскольку она характеризует возможность даже самым простым неграмотным людям из русских крестьян от сохи, делать в Америке карьеру, выдвигаться, становиться «на ноги», поскольку природа наградила их инициативой и энергией. Объективно, но ярко в деталях, нарисован портрет Робертсона-отца, слегка, как набросок углем, очерчен Игорь Сикорский, тепло и душевно очерчена фигура художника Григорьева.

Новая послесоветская эмиграция мало знакома с именами эмиграции «вчерашней». Мало кто помнит имя генерала Храброва, этого, по словам М. Е. Вейнбаума «исключительно прекрасного человека» и журналиста, кажда статья которого вызвала живой отклик. К прошлому относится также характеристика Винстона Черчилля. Портрет этого выдающегося человека нынешнего века нарисован автором «Тем» более тщательно и не без бесспорного «пресвета» перед этой выдающейся политической фигурой. Еще Марк Твен считал Черчилля «восходящим и блестящим молодым государственным деятелем». М. Е. Вейнбаум приводит рассказ о первой встрече Марка Твена с Черчиллем. «Марк Твен любил поговорить. Любил это и Черчилль. Среди гостей стали гадать, что кто из них будет, и режиссер, что кто будет Марк Твен, как старший и более опытный говоруш».

Когда Твен и Черчилль вернулись в гостиную, их спросили: — Ну, что, наговорились взаимно? — Да! решительно сказал Черчилль.

А Твен прошептал: — Я курил... Черчилль было тогда 23 года.

Сергей Кузнецкий в генерал-майорском мундире, Лилколы и Томас Пайн, издатель Нового Русского Слова Виктор Шинкин и художник Савелий Сорин, все это портреты нашего вчерашнего дня, все они отражают «американские» русско-американские, которые не отрываются целиком от России, а живут сложной жизнью Русского духа и Американского по гражданскому и политическому догму.

Ко «вчерашнему» принадлежит также отдал «О писателях и книгах». Он начинается традиционно, с Пушкина. Статья о Салтыкове-Щедрине, о

старше Феодоре Кузьмиче, о Ладанове, Бунине, о Рахманинове, заполняют этот отдел, которым заканчивается, по нашему условному разделу, содержание книги, связанное с прошлым, тем своеобразным прошлым, которое непотопило, но не условия русско-американского быта, созданного нашим исходом из родной страны.

А настоящее? Оно, как и уже писал выше, не сенсационно. Автор, в поисках ухода от «праздной суевы» настоящего, уезжает за границу и делится с читателем книги впечатлениями, которые как бы помогают ему отвлечься от злободневных горестных забот в сферу «ума холодных наблюдений».

В Европе автор книги «На Разные Темы» повсюду больше в качестве американского наблюдателя, нежели русского туриста. И проследит эта метаморфоза вполне естественно. После Америки Англия не кажется ему чуждой страной. Тепло пережилась история этих двух стран, и многое, что на расстоянии кажется американцу чуждым, становится понятным и близким при посещении туманного Альбиона, и происходит это прежде всего, благодаря родственному языку, которым русский путешественник владеет в совершенстве.

И даже тут, в этих кратких набросках и характеристиках, в этих мимолетных наблюдениях отвлеченного от работы русского журналиста, сказывается все та же черта крайней добросовестности, осторожности, и страха, именно страха, сказать не то, что есть в действительности, впасть в преувеличение, и этим ввести читателя в заблуждение. Начиная свой рассказ о путешествии в Европу, М. Е. Вейнбаум огорчается. Поражает писателя, приезжающим на время в страну и пишущим ее кондачка статьи, познание парадоксальных утверждений, пишет Вейнбаум, «подражать таким писателям и меня никогда нежелание нет. Поэтому предупреждаю — пишу только о своих впечатлениях, мимолетных, несомненно поперхнутых, и очень даже возможно, ошибочных. Читателя прошу принять это во внимание».

В этом описании поездки по Европе, пребывания почти во всех европейских центрах, с подробным указанием примечательных мест, главная мысль автора вертится все же вокруг одной темы, которую он ни поперхнуто, ни легкомысленно решить не может и не желает. Эта тема — единственность в отношениях Европейцев и Соединенных Штатах. То, что автор относит к линии, с которой он полемизирует, одинаково может быть отнесено и ко многим русским, поселившимся в Америке и несущим в душе след европейского влияния. «Европейцев с американскими паспортом», пишет М. Е. Вейнбаум в Америке довольно много. Один из них не захотел, другие не сумели, а третьи не успели слиться с американским народом, проникнуться его душой, и настроением, понять его по настоящему. Поэтому у них такое прератное представление о нем».

Если поездка по Европе была продиктована трезвым, и как всегда объективным, стремлением «без предвзятых мнений, без предубеждений, с твердым намерением сперва посмотреть, а затем уже суждать, зато обычные ежегодные путешествия по Соединенным Штатам Америке, а часто, в старое время, хождение по ней пешком в летние свободные от работы месяцы, дали возможность автору восторженно и основательно ознакомиться с этой страной, в которой мы живем, и которую часто прожив в ней целую жизнь, все же знаем меньше, чем этого от нас следовало бы ожидать. А Америку М. Е. Вейнбаум не только знает. Он изучил ее и в ее языке, и в литературе, и в политике, и в общественной жизни. Изучил и полюбил и очень много сделал для того, чтобы помочь своему читателю в понимании этой особенной исключительной и многогранной страны.

Кто из нас не мечтал в детстве об Америке, и главным образом о героях ее прошлого? Кто не собирался «эмигрировать» в Америку, чтобы сражаться с индейцами, кто не знает, что провозглашения Фенирра Кулеера, и Майн Рида были не менее популярны в русской детской литературе, нежели в американской?

Эту любовь к Америке приключенческой, Вейнбаум с возрастом и развитием журналистского инстинкта перенес на при роду и быт страны. Он описывал свои хождения не «по мукам», а по радостям Америки в статьях о природе «Айрон-Лейкс». По горам Америки, по Канаде, по прериям и каньонам, то были живые наблюдения действительности.

Но если соизмерительное отношение к жизни характеризует период отъезда автора, его, так сказать, литературные досуги, то все остальное, и главная работа его, как журналиста и писателя, относится к газетным будням, к той повседневной, непрерывной, и ответственной работе редактора-журналиста непосредственного участника общественной жизни, которая связана с политической. Строго говоря, политик и является существом и главной стороной деятельности и творчества Вейнбаума, его подлинной Ахиллесовой пятой. Если представить себе схематически содержание его книги, как соединение вчерашних наблюдений, сегодняшних откликов, и завтрашних прогнозов чужого и алчущего политика, то это и составит тот литературный «стриптиз», который выражен в выделке статьи. Без политики его книга была бы тише, пышею в эфир без одного крика. Нигде так волюно и свободно не

писанного романа «Атлант». Центральная фигура — Ставриков; вокруг него вращаются и получают импульсы все основные герои романа: Петр Верховский, Шатов, Кирилл Злато, Старогрин же — «князь Злато», кончающий самоубийством из-за опустошения души и сердца. В нем как бы слились и отразились герои Раскольникова, Свидригайлова, Степана Трофимовича, а может быть и живого прототипа революционера — Спешнева.

Путь его есть путь победы, ибо это есть путь Сатаны и его соблазна. Как Злато и Грех опустошают, кровь зовут, а грех еще больший грех и соблазн, так и тут она неон суть революции — в прокламации Шигадева: начал с безграничной свободы, кончить безграничным деспотизмом; говоря о массах, — мучить их идеологическими песнями и танцами. Мышкин старинного рода князь, но он ведет себя как брат, как инстинкт с незнакомым лакеем в барской перидей. Он вызывает любовь, и нежность к себе и у гордой красавицы Агаи, и у Настасии Филипповны и у грубого раскатанного страстью купца Рогожина. Он цетр всей драмы, он примиритель... и учитель всех, проповедник христианства и не думая об этой своей роли. Но он болезненно страдает, но он закален борьбой с истиной против зла и искушений. На нем есть алчные швейцарского учителя-доктора. Он перловит, по рождению, добр и прекрасен, нищ духом и дождко-хрупок. И в безумии кончает он свое тихо-буриное течение, и пристав безумия, и забвение Злато уходит его смятенный дух. Так и должно было быть! Иденту не нести тяготы страстей, зла и крови. Но свет его личности, но ряд сцен и слов отражают понимание Достоевским в те годы роли и Облика Христа. Это искусе христианства в действии крошечного Добра, но ему нет еще благодатной помощи СВЫШЕ!

Путь Злато, научившись Злого духа — Сатаны и его слуг — бесов и бесенит, раскрыт в «Бесах». Это гораздо больше, чем описание дела революционеров нечеловеческих, убивших невинно оклеветанного студента Иланова, с тем, чтобы кровью сплотить революционный кружок; это прежде всего отклик на все мысли о Духе Злато, о крови преставлений из

плани журнальный талант автора «На разные темы», как в политике. И тут все та же черта, то же качество необычайной осторожности суждений, объективной критики и добросовестного подбора-фактов. Факты — опасная сфера журнализма. Ими можно оперировать как угодно, но они прежде всего должны оставаться таковыми. Искажение правды всегда из руку врагам, говорит Вейнбаум, и не только врагам оружие в руки, которого он не имеет. И этой правдой вооруженный до зубов, М. Вейнбаум свободно владеет, как опытный фехтовальщик шпагой, и в этом главное и принципиальное значение его писательского творчества, его книги «На разные темы».

В этом смысле название несколько даже затемяет основную идею его труда.

«Разные темы» по существу содержат только одну тему, о борьбе за освобождение от гнета и насилия, о победе свободного человека над его работодателем, об уважении к правам индивидуума на творчество, на создание собственной свободы, о том, что нам, русским, надо многому практически учиться у Америки. Это наше познание будет лучшим подарком нашей родине, когда наступит час освобождения.

Этой идее автор книги посвятил всю свою жизнь. По существу это вовсе не «разные темы», а одна единственная, и самая главная, и самая существенная для всего будущего, и не только нашего, но и всего человечества, тема.

Л. Камышинов.

О ЛИТЕРАТУРНОМ ПУТИ ДОСТОЕВСКОГО

(Начало на 3 странице)

И вот в «Идиоте» воплощено Прекрасное Добро, возвышенное смирение, особая «святая душа» мудрость Евангелия. Часто поступил Мышкин, его рыцарские замашки, культ Дамы и т. п., напоминают Дон Кихота, и это подчеркнута писателем в черниках романа. Но самое важное, самое глубокое открывается короткой фразой в рукописях, в плане романа: «Идиот — Христос». Это не значит, что Лев Мышкин безгрешен, Сын Божий, новое воплощение Господа! О, нет! Но это крошечное Добро и победа его в столкновении с дьявольством, злобой, непониманием. Это опыт внесения христианской этики в современность. Это указание как смириться и Добро и Мужество Христа, христианства выискует и сейчас к себе сердца людей всех слоев, всех классов и рангов. Мышкин старинного рода князь, но он ведет себя как брат, как инстинкт с незнакомым лакеем в барской перидей. Он вызывает любовь, и нежность к себе и у гордой красавицы Агаи, и у Настасии Филипповны и у грубого раскатанного страстью купца Рогожина. Он цетр всей драмы, он примиритель... и учитель всех, проповедник христианства и не думая об этой своей роли. Но он болезненно страдает, но он закален борьбой с истиной против зла и искушений. На нем есть алчные швейцарского учителя-доктора. Он перловит, по рождению, добр и прекрасен, нищ духом и дождко-хрупок. И в безумии кончает он свое тихо-буриное течение, и пристав безумия, и забвение Злато уходит его смятенный дух. Так и должно было быть! Иденту не нести тяготы страстей, зла и крови. Но свет его личности, но ряд сцен и слов отражают понимание Достоевским в те годы роли и Облика Христа. Это искусе христианства в действии крошечного Добра, но ему нет еще благодатной помощи СВЫШЕ!

Путь Злато, научившись Злого духа — Сатаны и его слуг — бесов и бесенит, раскрыт в «Бесах». Это гораздо больше, чем описание дела революционеров нечеловеческих, убивших невинно оклеветанного студента Иланова, с тем, чтобы кровью сплотить революционный кружок; это прежде всего отклик на все мысли о Духе Злато, о крови преставлений из

писанного романа «Атлант». Центральная фигура — Ставриков; вокруг него вращаются и получают импульсы все основные герои романа: Петр Верховский, Шатов, Кирилл Злато, Старогрин же — «князь Злато», кончающий самоубийством из-за опустошения души и сердца. В нем как бы слились и отразились герои Раскольникова, Свидригайлова, Степана Трофимовича, а может быть и живого прототипа революционера — Спешнева.

Путь его есть путь победы, ибо это есть путь Сатаны и его соблазна. Как Злато и Грех опустошают, кровь зовут, а грех еще больший грех и соблазн, так и тут она неон суть революции — в прокламации Шигадева: начал с безграничной свободы, кончить безграничным деспотизмом; говоря о массах, — мучить их идеологическими песнями и танцами. Мышкин старинного рода князь, но он ведет себя как брат, как инстинкт с незнакомым лакеем в барской перидей. Он вызывает любовь, и нежность к себе и у гордой красавицы Агаи, и у Настасии Филипповны и у грубого раскатанного страстью купца Рогожина. Он цетр всей драмы, он примиритель... и учитель всех, проповедник христианства и не думая об этой своей роли. Но он болезненно страдает, но он закален борьбой с истиной против зла и искушений. На нем есть алчные швейцарского учителя-доктора. Он перловит, по рождению, добр и прекрасен, нищ духом и дождко-хрупок. И в безумии кончает он свое тихо-буриное течение, и пристав безумия, и забвение Злато уходит его смятенный дух. Так и должно было быть! Иденту не нести тяготы страстей, зла и крови. Но свет его личности, но ряд сцен и слов отражают понимание Достоевским в те годы роли и Облика Христа. Это искусе христианства в действии крошечного Добра, но ему нет еще благодатной помощи СВЫШЕ!

Путь Злато, научившись Злого духа — Сатаны и его слуг — бесов и бесенит, раскрыт в «Бесах». Это гораздо больше, чем описание дела революционеров нечеловеческих, убивших невинно оклеветанного студента Иланова, с тем, чтобы кровью сплотить революционный кружок; это прежде всего отклик на все мысли о Духе Злато, о крови преставлений из

плани журнальный талант автора «На разные темы», как в политике. И тут все та же черта, то же качество необычайной осторожности суждений, объективной критики и добросовестного подбора-фактов. Факты — опасная сфера журнализма. Ими можно оперировать как угодно, но они прежде всего должны оставаться таковыми. Искажение правды всегда из руку врагам, говорит Вейнбаум, и не только врагам оружие в руки, которого он не имеет. И этой правдой вооруженный до зубов, М. Вейнбаум свободно владеет, как опытный фехтовальщик шпагой, и в этом главное и принципиальное значение его писательского творчества, его книги «На разные темы».

В этом смысле название несколько даже затемяет основную идею его труда.

«Разные темы» по существу содержат только одну тему, о борьбе за освобождение от гнета и насилия, о победе свободного человека над его работодателем, об уважении к правам индивидуума на творчество, на создание собственной свободы, о том, что нам, русским, надо многому практически учиться у Америки. Это наше познание будет лучшим подарком нашей родине, когда наступит час освобождения.

Л. Камышинов.

О ЛИТЕРАТУРНОМ ПУТИ ДОСТОЕВСКОГО

И вот в «Идиоте» воплощено Прекрасное Добро, возвышенное смирение, особая «святая душа» мудрость Евангелия. Часто поступил Мышкин, его рыцарские замашки, культ Дамы и т. п., напоминают Дон Кихота, и это подчеркнута писателем в черниках романа. Но самое важное, самое глубокое открывается короткой фразой в рукописях, в плане романа: «Идиот — Христос». Это не значит, что Лев Мышкин безгрешен, Сын Божий, новое воплощение Господа! О, нет! Но это крошечное Добро и победа его в столкновении с дьявольством, злобой, непониманием. Это опыт внесения христианской этики в современность. Это указание как смириться и Добро и Мужество Христа, христианства выискует и сейчас к себе сердца людей всех слоев, всех классов и рангов. Мышкин старинного рода князь, но он ведет себя как брат, как инстинкт с незнакомым лакеем в барской перидей. Он вызывает любовь, и нежность к себе и у гордой красавицы Агаи, и у Настасии Филипповны и у грубого раскатанного страстью купца Рогожина. Он цетр всей драмы, он примиритель... и учитель всех, проповедник христианства и не думая об этой своей роли. Но он болезненно страдает, но он закален борьбой с истиной против зла и искушений. На нем есть алчные швейцарского учителя-доктора. Он перловит, по рождению, добр и прекрасен, нищ духом и дождко-хрупок. И в безумии кончает он свое тихо-буриное течение, и пристав безумия, и забвение Злато уходит его смятенный дух. Так и должно было быть! Иденту не нести тяготы страстей, зла и крови. Но свет его личности, но ряд сцен и слов отражают понимание Достоевским в те годы роли и Облика Христа. Это искусе христианства в действии крошечного Добра, но ему нет еще благодатной помощи СВЫШЕ!

Путь Злато, научившись Злого духа — Сатаны и его слуг — бесов и бесенит, раскрыт в «Бесах». Это гораздо больше, чем описание дела революционеров нечеловеческих, убивших невинно оклеветанного студента Иланова, с тем, чтобы кровью сплотить революционный кружок; это прежде всего отклик на все мысли о Духе Злато, о крови преставлений из

писанного романа «Атлант». Центральная фигура — Ставриков; вокруг него вращаются и получают импульсы все основные герои романа: Петр Верховский, Шатов, Кирилл Злато, Старогрин же — «князь Злато», кончающий самоубийством из-за опустошения души и сердца. В нем как бы слились и отразились герои Раскольникова, Свидригайлова, Степана Трофимовича, а может быть и живого прототипа революционера — Спешнева.

Путь его есть путь победы, ибо это есть путь Сатаны и его соблазна. Как Злато и Грех опустошают, кровь зовут, а грех еще больший грех и соблазн, так и тут она неон суть революции — в прокламации Шигадева: начал с безграничной свободы, кончить безграничным деспотизмом; говоря о массах, — мучить их идеологическими песнями и танцами. Мышкин старинного рода князь, но он ведет себя как брат, как инстинкт с незнакомым лакеем в барской перидей. Он вызывает любовь, и нежность к себе и у гордой красавицы Агаи, и у Настасии Филипповны и у грубого раскатанного страстью купца Рогожина. Он цетр всей драмы, он примиритель... и учитель всех, проповедник христианства и не думая об этой своей роли. Но он болезненно страдает, но он закален борьбой с истиной против зла и искушений. На нем есть алчные швейцарского учителя-доктора. Он перловит, по рождению, добр и прекрасен, нищ духом и дождко-хрупок. И в безумии кончает он свое тихо-буриное течение, и пристав безумия, и забвение Злато уходит его смятенный дух. Так и должно было быть! Иденту не нести тяготы страстей, зла и крови. Но свет его личности, но ряд сцен и слов отражают понимание Достоевским в те годы роли и Облика Христа. Это искусе христианства в действии крошечного Добра, но ему нет еще благодатной помощи СВЫШЕ!

Путь Злато, научившись Злого духа — Сатаны и его слуг — бесов и бесенит, раскрыт в «Бесах». Это гораздо больше, чем описание дела революционеров нечеловеческих, убивших невинно оклеветанного студента Иланова, с тем, чтобы кровью сплотить революционный кружок; это прежде всего отклик на все мысли о Духе Злато, о крови преставлений из

Версолова, осветила таким светом любовь и прощения пути детей своих, омыла слезами их грехи. Но роль Макара (имя это значит по гречески — блаженный) гораздо больше. Это подготовка к изображению пра посланного святого, учителя потаенного сердца, христовлюбца и радостного странника. В его речах изумительно тонко сплетено драгоценное кружево возвышенных мыслей. Все тут использовано: и народный духовный стих, и истинские откровения Св. Отцов, и Ветхий и Новый Завет и народноречевая наивность и словолюбие пустынных красе и счастье мира сего, мира Божия созиданного. Чудесное видение, подготовка к учителю-старцу Зосиме и его ученику Алеше.

Вместе с тем «Подросток» своеобразный ответ Толстому, отклик на детство, отрочество и юность». (А. Бэм). Юность о русской «случайной» семье, «месте жеренной, крикливо бытовом, классово-ограниченной, это городской роман. Со всей нервною и спешностью города начал он, как роман о городе и его грехе Достоевским в «Преступлении и Наказании» и завершается в «Подростке». Этот юноша мечтает о гордой силе денег, о власти богатства в стиле «Скупого Рыцаря». Деньги и города так связаны, так необходимо обусловлены! Анализ мысли о сути власти богатства и победа духа «Подростка» над этим искусственным властью в деньгах, мощи золота, страсти накопления, показан здесь в увлекательной фабуле. Это и ответ на Проблемы юности, и не только нашего, но и всего человечества, тема.

Этой идее автор книги посвятил всю свою жизнь. По существу это вовсе не «разные темы», а одна единственная, и самая главная, и самая существенная для всего будущего, и не только нашего, но и всего человечества, тема.

Л. Камышинов.

О ЛИТЕРАТУРНОМ ПУТИ ДОСТОЕВСКОГО

И вот в «Идиоте» воплощено Прекрасное Добро, возвышенное смирение, особая «святая душа» мудрость Евангелия. Часто поступил Мышкин, его рыцарские замашки, культ Дамы и т. п., напоминают Дон Кихота, и это подчеркнута писателем в черниках романа. Но самое важное, самое глубокое открывается короткой фразой в рукописях, в плане романа: «Идиот — Христос». Это не значит, что Лев Мышкин безгрешен, Сын Божий, новое воплощение Господа! О, нет! Но это крошечное Добро и победа его в столкновении с дьявольством, злобой, непониманием. Это опыт внесения христианской этики в современность. Это указание как смириться и Добро и Мужество Христа, христианства выискует и сейчас к себе сердца людей всех слоев, всех классов и рангов. Мышкин старинного рода князь, но он ведет себя как брат, как инстинкт с незнакомым лакеем в барской перидей. Он вызывает любовь, и нежность к себе и у гордой красавицы Агаи, и у Настасии Филипповны и у грубого раскатанного страстью купца Рогожина. Он цетр всей драмы, он примиритель... и учитель всех, проповедник христианства и не думая об этой своей роли. Но он болезненно страдает, но он закален борьбой с истиной против зла и искушений. На нем есть алчные швейцарского учителя-доктора. Он перловит, по рождению, добр и прекрасен, нищ духом и дождко-хрупок. И в безумии кончает он свое тихо-буриное течение, и пристав безумия, и забвение Злато уходит его смятенный дух. Так и должно было быть! Иденту не нести тяготы страстей, зла и крови. Но свет его личности, но ряд сцен и слов отражают понимание Достоевским в те годы роли и Облика Христа. Это искусе христианства в действии крошечного Добра, но ему нет еще благодатной помощи СВЫШЕ!

Путь Злато, научившись Злого духа — Сатаны и его слуг — бесов и бесенит, раскрыт в «Бесах». Это гораздо больше, чем описание дела революционеров нечеловеческих, убивших невинно оклеветанного студента Иланова, с тем, чтобы кровью сплотить революционный кружок; это прежде всего отклик на все мысли о Духе Злато, о крови преставлений из

писанного романа «Атлант». Центральная фигура — Ставриков; вокруг него вращаются и получают импульсы все основные герои романа: Петр Верховский, Шатов, Кирилл Злато, Старогрин же — «князь Злато», кончающий самоубийством из-за опустошения души и сердца. В нем как бы слились и отразились герои Раскольникова, Свидригайлова, Степана Трофимовича, а может быть и живого прототипа революционера — Спешнева.

Путь его есть путь победы, ибо это есть путь Сатаны и его соблазна. Как Злато и Грех опустошают, кровь зовут, а грех еще больший грех и соблазн, так и тут она неон суть революции — в прокламации Шигадева: начал с безграничной свободы, кончить безграничным деспотизмом; говоря о массах, — мучить их идеологическими песнями и танцами. Мышкин старинного рода князь, но он ведет себя как брат, как инстинкт с незнакомым лакеем в барской перидей. Он вызывает любовь, и нежность к себе и у гордой красавицы Агаи, и у Настасии Филипповны и у грубого раскатанного страстью купца Рогожина. Он цетр всей драмы, он примиритель... и учитель всех, проповедник христианства и не думая об этой своей роли. Но он болезненно страдает, но он закален борьбой с истиной против зла и искушений. На нем есть алчные швейцарского учителя-доктора. Он перловит, по рождению, добр и прекрасен, нищ духом и дождко-хрупок. И в безумии кончает он свое тихо-буриное течение, и пристав безумия, и забвение Злато уходит его смятенный дух. Так и должно было быть! Иденту не нести тяготы страстей, зла и крови. Но свет его личности, но ряд сцен и слов отражают понимание Достоевским в те годы роли и Облика Христа. Это искусе христианства в действии крошечного Добра, но ему нет еще благодатной помощи СВЫШЕ!

Путь Злато, научившись Злого духа — Сатаны и его слуг — бесов и бесенит, раскрыт в «Бесах». Это гораздо больше, чем описание дела революционеров нечеловеческих, убивших невинно оклеветанного студента Иланова, с тем, чтобы кровью сплотить революционный кружок; это прежде всего отклик на все мысли о Духе Злато, о крови преставлений из

прозорливей старец и его ученики, а оба показаны в действии, в жизни и ее «стоянии». Единственная вещь во всей русской литературе! Вместе с тем это картина Оптиной Пустыни и ее служения народу — бедным и богатым, грешным и праведным. Одной главой «Верующие бабы» доводило, чтобы показать, что дана настоящая монастырская наука и такую мудрость сердца заключает в себе Православие.

В своей работе о старцах у Достоевского, и приближенно показал, сколь богат и обширен православно-святотеческий материал, использованный Достоевским в «Житиях и речах Зосимы. Буквально не все, каждое слово, жест героя глубоко православно, обоим словами и пропитаны откликом Священного Писания